A.N. Popsujko

Globalization: the dialectics of spontaneous and conscious processes

In the present article on the basis of philosophical methodology the author considers the essence of globalization, supporting on the category of conscious and spontaneous beginning of the international interaction. In many respects it is caused by that the science should give today adequate representation about borders of controllability of world architecture, about contours of the future development of the world system. It is necessary to estimate socio-historical conditions of interaction of the basic actors of globalization and, finally, to form the scientific-theoretical base of the post crisis development of the world system.

Keywords: globalization, world historical process, spontaneous processes, conscious regulation, new world order.

Попсуйко Артём Николаевич – аспирант ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», преподаватель кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы» (г. Хабаровск).
E-mail: arni2009@mail.ru

Глобализация: диалектика стихийного и сознательного

В настоящей статье на основе философской методологии автором рассматривается сущность глобализации с опорой на категории сознательного и стихийного начал международного взаимодействия. Во многом это обусловлено тем, что наука должна сегодня дать адекватное представление о границах управляемости мировой архитектуры, о контурах будущего развития миросистемы. Необходимо оценить социально-исторические условия взаимодействия основных акторов глобализации и, в конечном счёте, сформировать научно-теоретический фундамент посткризисного развития миросистемы

Ключевые слова: глобализация, всемирно-исторический процесс, стихийные процессы, сознательное регулирование, новый миропорядок.

Анализ генезиса глобализации до сих пор составляет одну из проблемных сфер современного социально-гуманитарного знания. Во многом это обусловлено тем, что большинство исследований по вопросам истории глобализации направлено на поиск исторически и логически обоснованной точки отсчёта её появления как качественно нового этапа в развитии социальной реальности.

По мнению некоторых исследователей, глобализация как социально-экономический, культурно-исторический феномен получает своё оформление в 70-х годах XX века. Изначально структурообразующим её компонентом выступает капитализм, а позднее – мировая рыночная инфраструктура. В этой связи, обращает на себя внимание точка зрения тех исследователей, которые считают автором термина «глобализация» Т. Левитта, который употребил его в 1983 году в своей работе «Глобализация рынков».

Безусловно, можно согласиться с тем, что процесс глобализации исторически и онтологически неразрывно связан с усложнением хозяйственной деятельности человека. В развитие этого направления теоретической мысли появились представления о том, что точкой отсчёта истории глобализации нужно считать возникновение первых цивилизаций, которые появились во многом благодаря развитию торговли и появлению первых городов – промышленных центров. Из всего многообразия теоретических конструкций, описывающих природу цивилизации, в аспекте нашего исследования обращают на себя внимание идеи французских историков школы «Анналов», рассматривающих цивилизацию в качестве «… сети отношений между различными элементами и сферами социокультурной системы, лишённой единого начала и допускающей различные формы взаимозависимости» [1]. Иллюстрацией к такому пониманию цивилизации является реальная практика глобального взаимодействия, которому присущи всевозможные формы взаимозависимости в культурной, политической, экономической сферах. В историческом разрезе, как справедливо отмечает Д. Уилкинсон, это взаимодействие, «… включающее в себя торговые связи, перемещение людей, образовательные связи, миссионерскую деятельность, дипломатию и военные конфликты, существовало в течение длительного времени, начиная с ранней истории» [1. С. 117]. Современная научно-теоретическая мысль обогатила это направление миро-системными концепциями И. Валлерстайна, Г. Франка и Ф. Броделя. В рамках мер системного подхода глобальный мир рассматривается в качестве исторической системы, «… основанной на экспансии капитализма и структурно расчленённой на центр, периферию и полупериферию» [2].

Вместе с тем, признавая методологическую ценность данных подходов, нельзя не отметить, что они не отражают всей глубины столь сложного явления, как глобализация. Попытки вычленить глобализацию из контекста всемирно-исторического процесса означают лишить её сущностных оснований. Появление феномена глобализации стало возможным благодаря исторической целостности в формировании единого мирового социального пространства. В процессе своего формирования структурно и функционально оно приобретало черты, свойственные современным глобализационным процессам. Ярким примером тому служит стремление к всеобщей универсальности как имманентному свойству современной глобализации. В различные этапы мировой истории универсальность достигалась за счёт наличия норм и ценностей, формирующих «каркас» социального пространства в данный момент времени. Так, в период господства Древней

Греции универсальным ядром выступала греческая культура, во времена Древнего Рима – система римского права, в Средневековье – христианские ценности, а в период Нового времени произошло становление евроцентризма, в основу которого был положен западный рационализм.

Иначе говоря, несмотря на то, что реальным, зримым феноменом общественной жизни глобализация становится в 70-х годах XX века, сущностные основания этого процесса, его базовые черты складывались в процессе исторического развития человечества, изменения форм его социальной организации. При этом, в понимании категории изменения автор придерживается подхода Л.П. Карсавина, который рассматривал её в качестве «… непрерывно меняющейся во времени системы взаимоотношений пространственно разъединённых элементов» [3]. Благодаря этому мировое сообщество было готово воспринять качественно новое состояние цивилизации, характеризующееся взаимозависимостью и взаимообусловленностью социально-экономического, культурного, политического пространства.

Мировой исторический процесс во всём своём многообразии создал необходимые условия для конструирования современных глобальных процессов. На этом основании мы считаем, что современные трансконтинентальные процессы являют собой отражение исторически сложившихся форм организации социального взаимодействия в экономической, политической, культурной и духовной сферах. Конец XX века характеризуется лишь ускоренным их развитием, сопряжённым с появлением информационного, научно-технического сегмента, который, в свою очередь, создал необходимые условия для виртуализации глобального пространства и максимального усложнения мировых процессов. На этом основании глобализацию (в современном её варианте) необходимо рассматривать в качестве действенного инструмента формализации всемирно-исторического процесса XXI века.

Глобализация представляет собой новое качество постсовременности. При этом, сущностные основания глобализации складывались в ходе сложного процесса превращения мира в единый целостный хозяйственный организм. Новое состояние интернационализации экономики сталкивается с объективными противоречиями в развитии отдельных стран, участвующих в структуре глобального взаимодействия, обусловленными недостаточностью ресурсной базы, слабым уровнем технического и технологического развития. Последнее имеет первостепенное значение в обосновании различия места и роли отдельных стран в структуре современного глобального пространства. При этом, исторически дифференциация стран по уровню экономического развития создавала объективные предпосылки для построения глобальной иерархии международного взаимодействия. Известно, что Первая мировая война, подорвав хозяйственно-экономическую деятельность европейских стран, выдвинула США на роль лидера капиталистического мира. В этих условиях слова Президента США В. Вильсона о том, что «… дающий деньги должен понимать мир и управлять им» [4], кажутся вполне обоснованными.

Процесс научно-технического развития, информатизации социального пространства совпал с периодом формализации глобализации на рубеже XX века. Во многом именно эти процессы предопределили сущность глобализационных процессов в сфере экономики, политики, культурной сферы. Значимость данной сферы для развития современной цивилизации создаёт объективные условия для более детального, научно обоснованного анализа соотношения техноцентризма и экономцентризма, техносферы и геофинансов, геокультуры, геополитики и иных важнейших сфер глобального взаимодействия.

В рамках проблемы, обозначенной в заголовке статьи, мы остановимся лишь на предметном исследовании места и роли техносферы в формировании сознательной и стихийной природы глобализации.

Как уже отмечалось ранее, современная практика реализации мировых финансово-экономических отношений основывается на применении высоких технологий. Благодаря им создаются условия для поглощения сознательного, субъективного основания глобализации новым качеством социальной реальности. По существу, виртуальная реальность создала такие условия, когда власть «… уплывает с улиц и площадей, из актовых залов и парламентов, местных и общенациональных правительств в недосягаемую для контроля граждан экстерриториальность электронных сетей» [5]. В этих условиях стихийность, неуправляемость становятся имманентным свойством современного мирового финансово-экономического пространства. Ситуация усугубляется ещё и тем, что, по мере развития технологий передачи и обработки информации, кризис мировой финансово-экономической системы становится неизбежным, потому как стихийное перемещение из страны в страну значительных объёмов финансовых средств слабо поддаётся контролю со стороны существующих институтов международного регулирования и государств.

Особое внимание необходимо обратить на тождественную природу техносферы и капитализма в их стремлении к расширению своего социального пространства. В этой связи, интересно обратиться к выводам А.Д. Иоселиани о том, что в «… античной цивилизации (железный век) появились две противоположные тенденции: во-первых, дифференциация технологий, основанных на использовании железных орудий в рамках городов-государств с обособленной экономикой; и, во-вторых, типизация технологий и их активное распространение по пространству разных империй» [6]. В дальнейшем, как известно, между локальными цивилизациями начался процесс обмена технологиями. Думается, рассмотренный нами пример иллюстрирует объективный процесс освоения технологических достижений одной цивилизации другими. В структуре глобализации можно выделить естественную, неуправляемую глобализацию и глобализацию искусственную, сознательно навязываемую мировому сообществу. При этом под естественной глобализацией автором понимается эволюционный процесс восприятия различными социокультурными традициями достижений других социокультурных традиций. Иначе говоря,

неконтролируемая природа глобализации – суть перманентного процесса усвоения коллективного опыта человечества. В ходе проделанного анализа И.А. Иоселиани также приходит к выводу о наличии стихийного компонента в структуре глобализации, едва ли распознаваемой на начальной стадии формирования единого социального пространства. Заключительным аккордом его исследования места и роли техносферы в процессе становления мирового сообщества явилась мысль о том, что «… такое распространение новых технологий имело целью экономическую выгоду, и не было явных признаков глобализации. Однако начало пути к глобализации уже было положено, хотя и стихийно» [6]. С развитием глобальных процессов в XXI в. стихийная природа техносферы заложила основу к неконтролируемому движению капитала в рамках единого финансово-экономического пространства. В результате чего сфера геофинансов практически вышла из под национального и наднационального контроля.

Таким образом, на современном этапе научно-теоретического осмысления современных глобальных процессов проблема соизмерения стихийного и сознательного компонентов глобальных процессов может считаться самостоятельным предметом исследования социальной философии. По существу, обозначенная проблема заложена в самой природе исторического процесса. В этой связи, особого внимания заслуживает точка зрения А.А. Зиновьева о том, что «… конкретные исторические процессы – всегда суть смесь двух типов процессов: стихийного, непланируемого и неуправляемого и сознательно-волевого, планируемого и управляемого» [7]. При этом, применение категории стихийного к оценке сущностной стороны глобализации не означает привнесения иррационального, мистического компонента в слаженный механизм международного взаимодействия. Напротив, стихийность исторического процесса проявляется в противоречии замыслов и результатов сознательной деятельности людей, государств, политических партий и иных субъектов исторического процесса. Стихийное начало мировой истории представляет собой результат слабо прогнозируемых последствий их действий, проявления свойств сложноорганизованных макросоциальных систем, формализованных категорией глобализации.

В практике международного взаимодействия сознательное, управляемое начало глобализации, как правило, представлено целенаправленной деятельностью основных её участников. В этой связи, особого внимания заслуживает анализ социально-исторической обусловленности поведения акторов мировых хозяйственных, экономических и политических процессов. Безусловно, ход развития мировой истории показал, что на различных этапах развития цивилизации сознательное начало преобладало в форме господства того или иного исторического субъекта, как, например, «… в античности доминировала Греция, затем пришло время Римской империи, а, начиная с нового времени, первую скрипку играли то Англия, то Франция, то Испания, то Германия. В Юго-Восточной Азии – Япония и Китай» [8].

Самоочевидным фактом является то, что проблема направленности современных глобальных процессов выступает в качестве современной интерпретации социально-философской проблемы детерминант, смысла и поиска субъектов исторического процесса. В контексте рассматриваемой проблемы обозначенные вопросы представляют важную методологическую ценность. Известно, что природа субъекта выражается через сознательное проявление активности в области политики, культуры, социльной сферы, направленной на преобразование объекта воздействия. По существу, субъект выступает в качестве источника альтернативного выбора развития системы. Проблема поиска субъекта процесса, его концептуализация, научно-теоретическое обоснование стали самостоятельными объектами исследования отдельной отрасли социальной философии – философии истории. Из всего многообразия субъектов исторического процесса, как правило, принято выделять тех из них, которые действительно являются источником направленного развития макросоциальных систем. В качестве субъектов исторического процесса можно назвать социальную массу, государство, харизматическую личность.

В глобальном измерении проблема поиска субъекта глобализации сохранила как историко-методологическую преемственность в исследовании этого вопроса, так и приобрела специфические черты, свойственные современному состоянию мироустройства. Продолжение названных поисковых традиций связано, прежде всего, с пониманием необходимого наличия сознательного компонента в структуре глобального взаимодействия. Вместе с тем, вопрос его институционализации, научно-теоретического и – шире – социально-философского обоснования остаётся дискуссионным. Некоторые исследователи считают возможным рассматривать в качестве субъектов глобализации «великих» личностей, которые в своей деятельности придерживались идеи объединения человечества, как, например, Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон и ряд других выдающихся личностей в истории. Наиболее ярко и содержательно эта идея была раскрыта в докладе В.И. Самохваловой «Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии» на одном из заседаний клуба учёных «Глобальный мир». В нем она развивает мысль о том, что смысл деятельности этих ранних «глобализаторов» состоял в том, чтобы «… расширить свою власть на новые территории, решить те или иные собственные задачи за счёт завоевания земель, рабов, богатств, организовать отток опасного пассионарного населения, дальние походы на новые земли» [9]. Несмотря на то, что этот подход во многом продолжает развивать идеи поиска субъектов глобализации через осмысление сознательной деятельности «великих» харизматичных личностей, зерно истины состоит в том, что, начиная с самых ранних этапов развития человечества, объективным стремлением человека явилось расширение географического пространства своего влияния. Как известно, в дальнейшем эта мысль была развита А. Тойнби, который, сравнив многолетнюю борьбу древнеегипетской, шумерской и микенской цивилизаций, пришёл к выводу о том, что «… за обладание «ничейными» землями, лежавшими на стыке этих

цивилизаций, по размаху территориальной экспансии Древний Египет не мог сравниться со своими соперниками» [1. С. 194]. Интересную мысль по поводу субъектов глобализации высказывает О. Мнацаканян, полагая, что «… субъектами глобального развития являются общности социокультурного мира» [2. С. 36].

По-прежнему дискуссионным остаётся вопрос места и роли государства в качестве источника глобального развития. Нельзя не согласиться с тем, что природа глобализации укоренена в стремлении государства распространить свои интересы, ценности, идеалы, модель поведения и образ мышления за пределы своего географического пространства на наднациональный уровень. По существу, эта же тенденция раскрывает и природу глобальных проблем. Сошлёмся на глобальный финансово-экономический кризис начала XXI века, когда кризис невозврата ипотечных кредитов одной страны привёл к финансовым потрясениям всего мирового сообщества. Схожие процессы мы можем наблюдать и в современной континентальной Европе, когда экономическая несостоятельность Греции поставила под сомнение целостность и историческую роль Евросоюза. Таким образом, изначально государство выступает отправной точкой формирования и развития глобальных процессов. Исторически государство становится легитимным актором международного взаимодействия только с построением мира на принципах Вестфальской системы, созданной после окончания Тридцатилетней войны в 1648. До этого договора в качестве субъектов международных отношений и международного права могли выступать не только государства, но также церковь, монастыри, города, княжества, герцогства. Основной смысл Вестфальской системы международных отношений выражался в том, что «… только государства имеют право формулировать и реализовывать международную политику. Все другие организации, группы или отдельно взятые лица таким правом не обладают» [10].

В современных условиях трансформации глубинных основ мироустройства функции государства в структуре глобального взаимодействия выглядят не так однозначно. Некоторые исследователи, например А.И. Уткин, исходя из тотального доминирования рыночного фундаментализма, приходят к выводу о том, что в современных условиях безоговорочным детерминантом развития глобализации выступает экономика.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что в современных условиях место и роль государства в системе глобального взаимодействия изменились под давлением множества факторов, привнесённых глобальными процессами современности. Во многом это можно объяснить тем, что поствестфальская система международного взаимодействия рассматривает государство в качестве не единственного, а одного из субъектов мирового развития. Наднациональная природа глобализации своеобразно отражается в научно-теоретической мысли, которая сегодня всё чаще рассматривает глобализацию как процесс подчинения суверенитета национальных государств

транснациональным акторам. Обоснованность этой позиции во многом подтверждается тем, что сегодня акторами глобального взаимодействия выступают не только государства, но и ТНК, международные общественные организации, ассоциированные субъекты, представляющие интересы различных стран в области права, экономики, политики, социальной сферы. Наиболее ярко и содержательно эта идея была раскрыта Р. Хаасом в статье «Эпоха бесполярного мира», в которой он развивает мысль о том, что «… международные отношения в XXI веке определит ситуация бесполярности. Сила скорее окажется размытой, чем сконцентрированной, а значение национальных государств будет снижаться по мере укрепления негосударственных акторов» [11].

Современный кризис глобальной мировой системы требует не столько формирования адекватной мировому сообществу структуры, сколько пересмотра её сущностных начал, переосмысления места и роли основных акторов взаимодействия в мировой социальной и хозяйственной системах, отражения регионального, локального компонентов в структуре единого геополитического пространства.

Усиление значения государства стало возможным благодаря осознанию его важности в деле сглаживания последствий кризисных ситуаций. Всегда остаётся актуальной роль государства в качестве гаранта основных прав и свобод человека, обеспечения стабильного существования микро- и макросоциальных систем. Как правило, активность, действия или бездействие любого государства являются продуктом сознательного устремления его политического руководства.

В условиях системного кризиса мироустройства мировое сообщество осознало необходимость выработки общего формата взаимодействия, которое гарантировало бы бескризисное функционирование постсовременности. В то же время, нельзя не отметить, что в условиях системного кризиса глобальной архитектуры отчётливо проявилась двоякая природа государства. С одной стороны, государство выступает действенным инструментом сознательного регулирования трансконтинентального взаимодействия, с другой, неспособность государств дать адекватный ответ на вызовы глобального кризиса приводит к тому, что некоторые исследователи, например Ф. Бордачёв, прогнозируют, что «… глобальный беспорядок будет в ближайшие годы, если не десятилетия, олицетворять реальную многополярность» [16]. В развитии этого направления исследования необходимо подчеркнуть, что кризис глобальной миросистемы наглядно показал, что мир становится всё менее управляемым. Современная система мироустройства, по мнению С. Хантингтона, становится порядком хаотизации мира, глобализацией страха и насилия и несет большую опасность, чем прежний "биполярный" порядок, поскольку не поддается контролю. На этом основании особый научно-исследовательский интерес вызывает проблема поиска оснований стихийного развития трансконтинентального взаимодействия. То, что стихийность является имманентным свойством современного геополитического пространства,

признаётся сегодня как теоретиками, так и практиками современных геополитических отношений.

Таким образом, можно говорить о том, что современный этап трансконтинентального взаимодействия складывается на основании сочетания ряда стихийных процессов и сознательных усилий ведущих акторов мировой политики, способных оказывать влияние на конструирование международных отношений.

Литература и источники:

1. Ерасов, Б. С. Сравнительное исследование цивилизаций / Б. С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 2001. – С. 115 ; 117 ; 194.

2. Ильин, И. В. Теоретико-методологические основы глобалистики / И. В. Ильин. – М. : Издательство Московского университета, 2009. – С. 13 ; 36.

3. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – Спб. : АО КОМПЛЕКТ, 1993. – С. 17.

4. История и философия экономики : пособие для аспирантов / под редакцией М. В. Конотопова. – М. : КНОРУС, 2008. – С. 236

5. Бауман, З Текучая современность / З. Бауман ; под ред. Ю. В. Асочакова ; пер. с англ. – Спб. : Питер, 2008. – С.48

6. Иоселиани, А. Д. Техносфера в контексте глобализации / А. Д. Иоселиани // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 248.

7. Зиновьев, А. А. Глобальное сверхобщество и Россия / А. А. Зиновьев. – М. :Харвест, 2000. – С. 4.

8. Гобозов, И. А. Введение в философию истории: монография / И. А. Гобозов. – М. : ТЕИС, 1999. – С. 231.

9. Самохвалова, В. И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии : материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба учёных «Глобальный мир» / В. И. Самохвалова. – М. : «Издательский дом «Новый век»», 2002. – С. 2.

10. Гаджиев, К. С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка) / К. С. Гаджиев. – М. : Издательство «Экономика», 2007. – С. 235.

11. Хаас, Р Эпоха бесполярного мира / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4. – С. 39.